

УДК 882(09)

**«С РОЖДЕНИЯ ПРЕДАЛ МЕНЯ ГОСПОДЬ...».
ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ Б.А. САДОВСКОГО**

© 2013 г.

С.Н. Пяткин

Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара

nikolas_pyat@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

Анализируется стихотворение Б.А. Садовского «Жена Пушкина» как в контексте творчества автора, видного литературного деятеля Серебряного века и пушкиниста, так и в контексте неоднозначного литературоведческого труда П.Е. Щёголева «Дуэль и смерть Пушкина».

Ключевые слова: лирический субъект, монолог, героиня, автор, Пушкин, Наталья Николаевна Пушкина, Щёголев.

Эффектные поэтические строки, вынесенные в заглавие настоящей заметки, являются началом стихотворения Б. Садовского «Жена Пушкина» (1917). И это было не первое и не последнее обращение известного литературного деятеля Серебряного века, нижегородца по рождению, к образу супруги великого поэта. Она явилась героиней рассказа-анекдота «Натали Пушкина и почтмейстер» (1912); сочувственный отзыв о ее судьбе содержится в эссе «Святая реакция» (1922) и романе «Пшеница и плевелы» (1936–1941). Такое внимание к личности Натальи Николаевны Пушкиной в первую очередь обусловлено особым литературно-творческим пристрастием Б. Садовского к пушкинской эпохе и не в последнюю – его интересом исследователя-пушкиниста.

Так, подавляющая часть литературно-критических статей Садовского, опубликованная в трех авторских сборниках – «Русская Камена» (1910), «Озимь» (1915) и «Ледоход» (1916), – это «именные» очерки о поэтах «пушкинской школы» XIX века, которая у автора становится фактически синонимом «золотого века» русской литературы.

Пушкинское присутствие ощутимо и значимо в прозе Садовского, а диапазон такого присутствия необычайно широк и многообразен. От анекдотичного «пушкинианца» Коридолина («Наполеониды», 1924), который убеждает легковверных барышень тем, что написал две работы на темы «Знал ли Пушкин по-португальски» и «Нюхал ли Пушкин табак», до «красного» пушкиниста Осипа Шоколада – продавца пушкинского черепа, им самим же и добытого («Шестой час», 1921). От краткого упоминания о поэте в весьма неожиданном контексте: «Бед-

ный Маркевич! Его отпевали в той же церкви, где и Пушкина. Честь эта им вполне заслужена» («Дневник генерала», 1926) [1, с. 327], – до реального эпизода из жизни Пушкина, ставшего сюжетно-содержательной основой рассказа «Петербургская ворожея» (1909).

В строгий научный зачет Садовского-пушкиниста следует занести, к примеру, разыскание альбома Д.А. Остафьева и специальную публикацию о нем [2, с. 10–12], издание – с редакцией и вступительной статьей «Опасного соседа» В.Л. Пушкина [3] и – для полноты картины – указание Д.С. Мережковскому в статье «Оклеветанные тени» на его ошибки в датировке, адресате и авторстве ряда пушкинских высказываний в романе «Александр Первый» [4, с. 427].

Последний факт для нас особенно важен. Причем не только тем, что выдает в Садовском тонкого и взыскательного знатока творческой биографии Пушкина, но и тем, что указывает на его стремление творчески откликнуться на литературные новинки, связанные с именем Пушкина. Возвращаясь к нашей теме, укажем, что именно таким откликом стал рассказ-анекдот «Натали Пушкина и почтмейстер», о чем автор сообщает в предварении рассказа: «*Появление на сцене порицаемой единодушно пьесы “Натали Пушкина” (В.Ф. Боцяновского. – С.П., полное название пьесы «Натали Пушкина. Жрица солнца») напомнило мне никем не записанный случай из жизни Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской»* [5, с. 323].

Интересующее нас стихотворение «Жена Пушкина» также, думается, следует считать творческим откликом Б. Садовского, но уже на более значительное, литературно-критическое

произведение – исследование П.Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», опубликованное отдельной книгой, а также в сериальном издании «Пушкин и его современники» под названием «История последней дуэли Пушкина (4 ноября 1836 – 27 января 1837 г.)» в 1916 году. Второе издание книги состоялось в 1917 году. Как это хорошо известно, П.Е. Щеголев выступает в своем исследовании в качестве убежденного сторонника «идеи преступной виновности Н.Н. Пушкиной» [6, с. 308]. Подчеркнем, что такая точка зрения существовала и до П.Е. Щеголева, о чем с безусловной однозначностью свидетельствует тот же «случай из жизни» жены Пушкина, положенный в основу упомянутого выше рассказа-анекдота Б. Садовского, который, по мысли автора, «показывает, какую значительную роль даже захолустные обыватели сороковых годов отводили Наталье Николаевне в роковой гибели ее первого мужа» [5, с. 323].

Но одно дело – легенды, слухи и домыслы, даже получившие свою новую, литературную, жизнь, и совершенно другое – литературоведческий труд с убедительной фактологической базой признанного и уважаемого ученого. Значение этого труда не столько для науки, сколько для общественного сознания ярче и полнее всего, на наш взгляд, передает история с переизданием книги П.Е. Щеголева в 1987 году. Тогда группа авторитетных деятелей культуры (Ю. Бондарев, С. Гейченко, Н. Доризо, Л. Леонов, Н. Скатов), пытаясь предотвратить это издание, опубликовала в газете «Советская культура» открытое письмо, в котором, в частности, указывалось: «Еще в двадцатых годах чрезвычайно субъективный взгляд Щеголева на семейные отношения Пушкиных был ошибочно принят некоторыми талантливыми литераторами за абсолютную истину и внес такое смятение в умы, что многим и многим писателям, ученым, исследователям биографии поэта стоило большого труда в течение десятилетий отстоять доброе имя самого близкого Пушкину человека, его дорогого друга, любимой женщины, матери его детей – Натальи Николаевны» [7, с. 323]. Издание, кстати говоря, все же состоялось, но тираж книги был существенно уменьшен.

А теперь самое время вернуться к стихотворению Б.А. Садовского «Жена Пушкина»:

*С рожденья предал
Меня Господь:
Души мне не дал,
А только плоть.
Певец влюбленный
Сошел ко мне*

*И, опаленный,
Упал в огне.*

*В земле мы оба,
Но до сих пор
Враги у гроба
Заводят спор.
Ответ во многом
Я дам не им,
А перед Богом
И перед ним [8, с. 297].*

Первое, на что невольно обращаешь внимание, читая это стихотворение, то, что субъектом речи выступает сама Наталья Николаевна Пушкина, а её слова, будто стирая границу между жизнью и смертью, приходят из загробного мира. Создается впечатление, что исполненный экспрессией монолог принадлежит потревоженному духу умершей, приходящему в мир живых сказать несказанное при жизни слово в оправдание себе («Господь: // Души мне не дал...») и в назидание живущим и осуждающим («Ответ во многом // Я дам не им»). Собственно, и очевидная двучастная композиция этой лирической пьесы определяется сообразно двум этим словесно-тематическим планам (оправдание и назидание) последовательно, в том числе и в актуализации временных локусов, воплощенных в тексте.

Первая часть открывается эффектным зачином, исполненным гиперболической образностью: «С рожденья предал // Меня Господь...». Понятное дело, что Господь с рожденья – да и вообще никогда! – никого предать не может. Предательство – это возможный удел человека. Но вряд ли здесь содержится упрек Богу в духе раннего Лермонтова. В этих строках присутствует экспрессивная констатация того, что дано героине от рождения, а чего не дано; здесь явлено посмертное понимание собственной судьбы, данное сквозь призму случившейся трагедии и сторонних мнений о ней. В конечном счете свой главный и последний ответ героиня все-таки обещает именно Богу как единственному судье ее судьбы. И такой финал служит веским основанием в преодолении соблазна увидеть в соотнесении начальных строк с поэтическим изображением смерти влюбленного певца («...опаленный, // Упал в огне») коннотации дьявольской природы героини. Огонь как источник гибели человека включает в себе у Садовского, мы уверены, символику высокой жертвенной смерти, эмоционально-экспрессивная картина которой, что важно заметить, составляет лирический сюжет стихотворения «Тризна», написанного практи-

чески в одно время со стихотворением «Жена Пушкина».

Контрасты, пронизывающие всю ткань лирического повествования первой строфы анализируемого произведения (Господь – героиня, душа – плоть, небо – земля), одновременно подчеркивают и сколь различны между собой миры героини и сошедшего к ней влюбленного певца, и сколь она как женщина не схожа с той, какую хотели бы видеть ее осуждающие ныне. В этом свете, кажется, героиня имеет право считать себя преданной Богом.

Автор стихотворения, как бы давая возможность своей героине высказаться в подобном ключе, по сути дела, облакает в поэтическую форму квинтэссенцию щеголевской позиции в отношении жены Пушкина, субъектно относя эту позицию самой Наталье Николаевне. По большому счету, ее «преступная виновность» проистекает, по мысли Щеголева, из того, что Наталья Николаевна не понимала выпавшего ей высокого жребия – быть женой Пушкина. Приведем одно из характерных мест из работы «История последней дуэли Пушкина»: «Любовь Пушкина не разбудила ни ея души, ни ея чувства. Можно утверждать, что кругъ, заключавший внутреннюю жизнь Пушкина, и кругъ, заключавший внутреннюю жизнь Натальи Николаевны, не пересѣклись и остались эксцентрическими. <...> Наталья Николаевна дала согласие стать женой Пушкина, – и оставалась равнодушна и спокойна сердцемъ; она стала женой Пушкина – и сохранила сердечное спокойствие и равнодушие къ своему мужу» [9, с. 48].

Полагаем, что идейно смысловая близость содержания первой строфы стихотворения Б.А. Садовского и процитированного фрагмента из труда П.Е. Щеголева более чем очевидна и не нуждается в дополнительных комментариях. Но вместе с тем все это создает в смысловом поле текста любопытную ситуацию, где слово самооправдания героини предполагает и семантику самоосуждения, явно проступающую в финале стихотворения: «*Ответ.... // Я дам... // ...перед Богом*».

Следовательно, имплицитно присутствующая в тексте первой строфы семантика осуждения, определяющая саму суть диалогического оппонента/оппонентов героини, должна, по крайней мере, не исключать и его/их слова оправдания. В действительности же осуждение перерастает – ни больше ни меньше – в требование суда, людского и несправедного и отвергаемого героиней: «*Ответ во многом // Я дам не им*».

Явно выраженные антитезы, подчеркивающие структурно-смысловые связи изображенного мира второй строфы (и соответственно – второй композиционной части текста), – людской суд – Божий суд, враги у гроба – влюбленный певец – не столько актуализируют трагедийное звучание судьбы героини в ее посмертном существовании, сколько предельно заостряют внимание на исключительной вере героини в милость Божьего суда. И в то же время спорящие «у гроба», отказывая героине – жене Пушкина в праве быть обыкновенной, земной женщиной и подменяя собой суд Божий, невольно отвергают саму милость Божью как высшую ценность христианского мира. В этом и заключается идея назидания в стихотворении Б. Садовского, в котором найденное слово в защиту жены Пушкина стало и словом вразумления, осуждающим ее. На наш взгляд, именно это, неожиданное для той поры идейное решение темы «жена Пушкина» и стало залогом необычайной популярности стихотворения, долгое время распространявшееся в списках. Так, А. Звенигородский, близкий друг Б. Садовского, в письме от 19 ноября (2 декабря) 1924 года сообщал последнему: «*В Москве я посетил почти всех друзей и многих знакомых. М.О. Гершензон просил меня передать тебе привет. Он тебя очень ценит. Списал себе “Н.Н. Пушкина” (первоначальное название стихотворения «Жена Пушкина». – С.П.), восторгался твоим шедевром. <...> “Н.Н. Пушкина” списана следующими: Булгаковым, Челпановыми, Усовым, Глинкой и др. Все от этого образа в восторге*» [10, с. 532].

Стихотворение было опубликовано только в 1927 году. К этому времени Садовской, пережив страшный по своей силе духовный кризис, ища «спасения у мудрецов» – то у Канта, то у Шопенгауэра, пытаясь то покончить жизнь самоубийством, то получить испанское подданство, найдет приют своей измученной душе в ортодоксальном православии. С его позиции Садовскому совершенно по-другому будет видеться значение Пушкина для русской культуры. А вот найденной в стихотворении идее в осмыслении судьбы жены поэта он не изменит.

Список литературы

1. Садовской Б.А. Дневник генерала // Садовской Б.А. Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990. С. 323–326.
2. Садовской Б.А. Новый автограф Пушкина. Находка в старинном альбоме // Лукоморье. 18 апр. 1915 г. № 16. С. 10–12.
3. Пушкин В.Л. Опасный сосед: С приложением сочинения И.И. Дмитриева «Путешествие NN в Па-

риж и Лондон» / Вступительная статья и примечания Бориса Садовского. М.: Изданием книжного магазина «Библиофил», 1918. 39 с.

4. Садовской Б.А. Оклеветанные тени // Садовской Б.А. Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990. С. 424–428.

5. Садовской Б.А. Натали Пушкина и почтмейстер // Садовской Б.А. Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990. С. 323–326.

6. Седова Г.М. «Будь спокойна, ты ни в чем не виновата...» (Н.Н. Пушкина в январе – феврале 1837 года) // Московский пушкинист – XI. Ежегодный сборник. М., ИМЛИ РАН, 2005. С. 308–335.

7. «Чистейшей прелести чистейший образец» // Советская культура, 1987, 19 февраля.

8. Садовской Б.А. Жена Пушкина // Садовской Б.А. Морозные узоры: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2010. С. 297.

9. Щеголев П.Е. История последней дуэли Пушкина (4 ноября 1836 – 27 января 1837 г.) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при От-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. Пг., 1916. Вып. 25/27. С. 01-0170.

10. Садовской Б.А. Морозные узоры: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2010. 568 с.

«SINCE MY BIRTH GOD BETRAYED ME...». ABOUT ONE POEM BY B.A. SADOVSKOY

S.N. Pyatkin

The article examines the poem «Pushkin's wife» by B.A. Sadovskoy in the context of the work of this author, a prominent literary figure of the Silver Age and a Pushkin scholar, and in the context of the controversial book «Pushkin's Duel and Death» by P.E. Shchegolev.

Keywords: lyrical subject, monologue, heroine, author, Pushkin, Natalia Pushkina, Shchegolev.